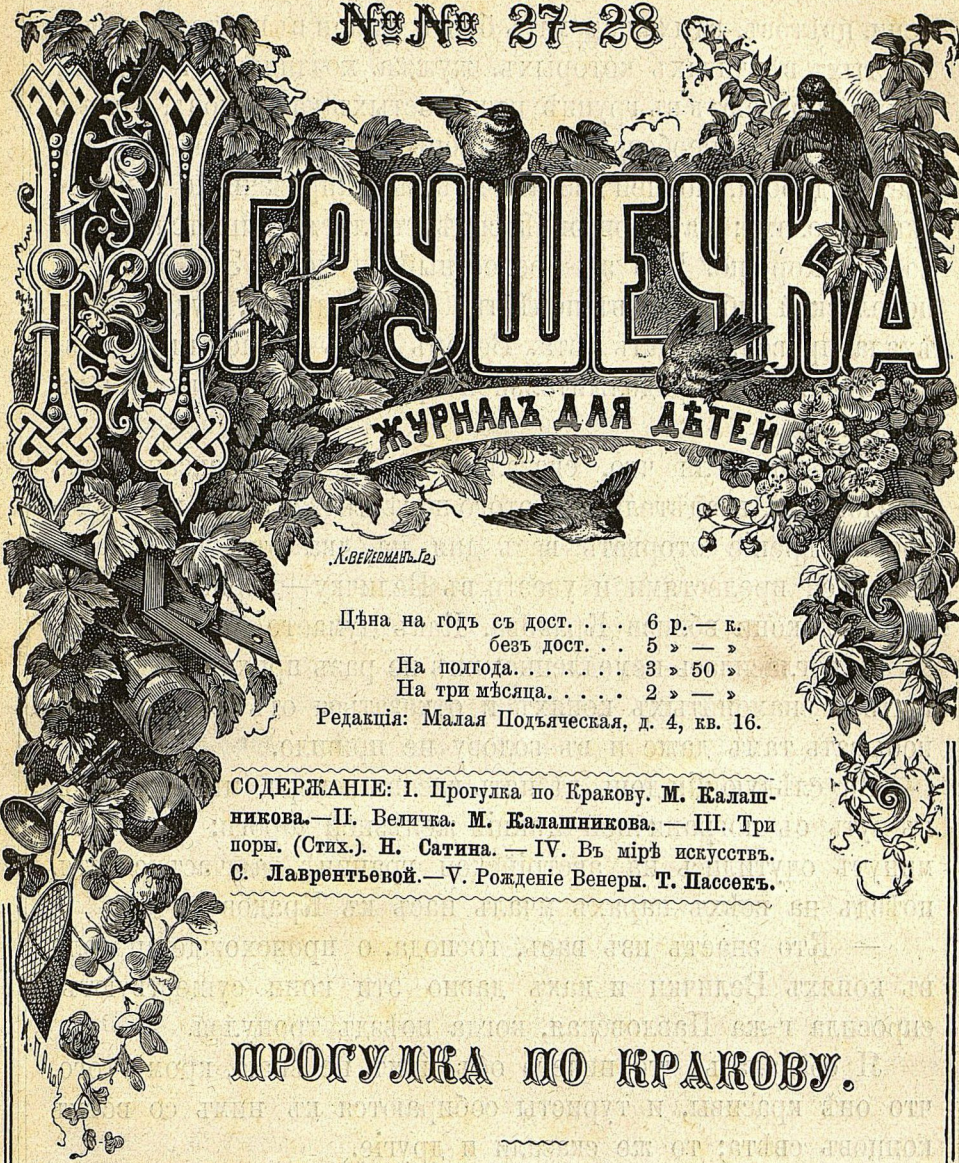

№№ 27-28

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕГЕРМАНЪ Г.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода 3 » 50 »

На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Прогулка по Кракову. М. Калашникова. — II. Величка. М. Калашникова. — III. Три поры. (Стих.). Н. Сатина. — IV. Въ мірѣ искусствъ. С. Лаврентьевой. — V. Рожденіе Венеры. Т. Пассекъ.

ПРОГУЛКА ПО КРАКОВУ.

ВИХІЙ, іюньскій вечеръ. Солнце закатывается, обливая золотисто-румяными лучами вершины деревьевъ, играетъ въ позолоченномъ крестѣ церкви, отсвѣчивая въ окнахъ сосѣдняго хутора.

Боже, какая благодать! думаю я, сидя на уютномъ балконѣ, утонувшемъ въ зелени дикаго винограда. Какая благодать! думаю я, смотря на небо, чистое, голубое; тихо, тепло; море зе-

лени, цвѣтовъ, вдыхая аромать бѣлой акаціи въ цвѣтахъ, въ душистыхъ вѣнчикахъ которыхъ, жужжа, хозяйничаютъ пчелы; птицы чирикаютъ въ группѣ развѣсистыхъ каштановъ, а тамъ разстилаются необозримыя хлѣбныя поля, бѣлой лентой вьется дорога, по ней двигаются возы, запряженные украинскими волами; на горизонтѣ синѣетъ лѣсъ; дышется легко, вольно, хорошо. Что за прелестный уголокъ! Это было въ подольской губерніи, въ помѣстьи моихъ друзей, куда я пріѣхала провести часть лѣта. Вечеръ былъ прелестный. Возвратившись съ продолжительной прогулки, мы отдыхали на балконѣ.

— Знаете ли что, сказала мнѣ Елена Александровна Павловская, владѣтельница этого помѣстья, мы имѣемъ ужасное намѣреніе оторвать васъ дня на два отъ деревни со всѣми ея прелестями и увезти въ Величку—вѣрно слышали, соляныя копи вблизи Кракова. Какъ думаете?

Я согласилась немедленно: мнѣ не разъ приходилось слышать о знаменитыхъ копияхъ и отказаться отъ возможности побывать тамъ даже и въ голову не пришло.

На слѣдующій день, въ пять часовъ вечера, мы тронулись въ путь съ пограничной станціи желѣзной дороги; черезъ 10 минутъ очутились на австрійской границѣ, а часъ спустя, поѣздъ на всѣхъ парахъ мчалъ насъ къ Кракову.

— Кто знаетъ изъ васъ, господа, о происхожденіи соли въ копияхъ Велички и какъ давно эти копи существуютъ? спросила г-жа Павловская, когда поѣздъ тронулся.

Я призналась, что ничего объ нихъ не знаю, кромѣ того, что онѣ красивы, и туристы собираются къ нимъ со всѣхъ концовъ свѣта; то же сказали и другіе.

— Я кое-что могу сообщить, такъ какъ не разъ бывалъ въ Величкѣ, отозвался Дмитріевъ, одинъ изъ нашихъ спутниковъ: всѣхъ насъ, считая съ дѣтьми, было десять человѣкъ.

— Хорошо, хорошо, послушаемъ, сказалъ Павловскій; только вы голубчикъ не очень ужъ генеологіей королей да хро-

нологіей увлекайтесь—все равно не запомним со словъ-то однѣхъ, и выйдетъ путаница.

— Не бойтесь, я хочу дать только понятіе о копахъ и ни въ какія подробности вдаваться не стану.

— Предполагають, началъ онъ, что теперешняя Величка не болѣе, какъ бывшее дно морское. Вслѣдствіе переворотовъ земнаго шара, или, иначе, геологическихъ причинъ, море это отлило, оставивъ въ почвѣ значительный осадокъ соли. Обвалы, вывѣтриваніе, разложеніе каменныхъ вулканическихъ и другихъ породъ мало по малу образовали новый слой сверхъ солянаго пласта; этотъ пластъ былъ такъ называемая пустая порода, т. е. не содержащая соли. Надо полагать, что море еще не разъ приливало и отливало, потому что копи Велички состоятъ изъ нѣсколькихъ соляныхъ напластованій, раздѣленныхъ пустыми породами, отличающимся другъ отъ друга цвѣтомъ и качествомъ соли. Пласты эти не всегда правильно слѣдуютъ одни за другими, вслѣдствіе періодическихъ колебаній дна морского образовывались неровности, холмы, углубленія, вулканы, причемъ и пласты претерпѣвали измѣненія: одна часть ихъ опускалась, другая подымалась; расположеніе слоевъ теряло свой первоначальный характеръ и послѣдовательность. Соль, находящаяся въ копахъ, не вся одинаковаго достоинства и свойства; она дѣлится на три, рѣзко отличающіеся между собой сорта. Самый худшій сортъ—зеленая соль: она содержитъ въ себѣ много постороннихъ веществъ и нечистотъ; бурая цѣнится выше и составляетъ какъ бы ступень къ самому лучшему, чистому продукту—бѣлой, почти прозрачной соли.

— А очень велики эти копи, прервалъ кто-то рассказчика?

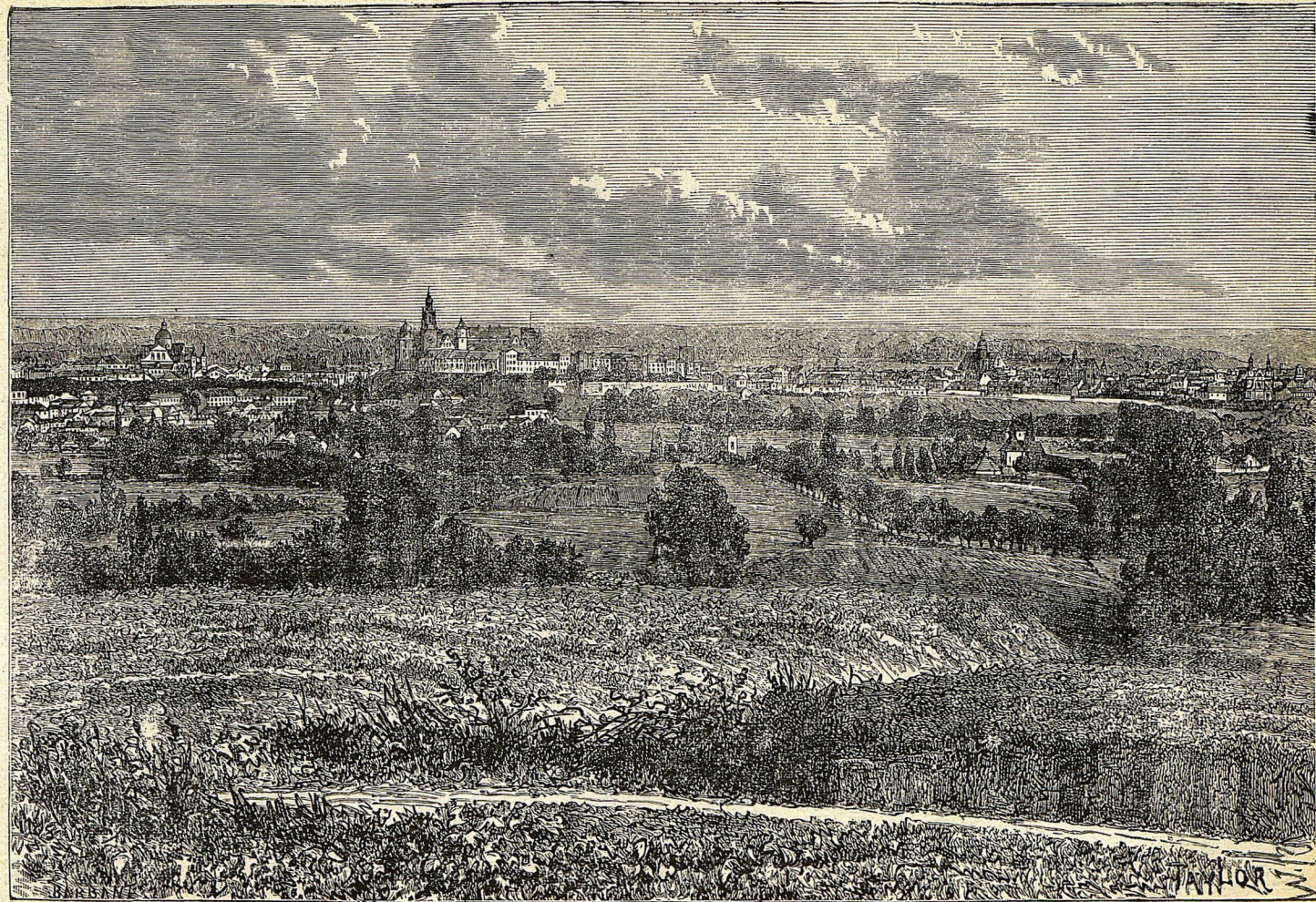
— Да, не малы. Въ длину версты четыре, въ ширину версты полторы, а глубина ихъ равняется 130 саженьямъ. Копь раздѣлена на 6 этажей, но публику пускаютъ только въ первые три, почти уже выработанные; главные работы производятся теперь въ четвертомъ и пятомъ этажахъ, а ше-

стой, вслѣдствіе сильнаго наводненія, бывшаго въ 1869 г., еще подъ водой. Наводненіе это произошло оттого, что рабочіе нечаянно наткнулись на источникъ, пробившійся между двумя пластами. Вода хлынула съ неудержимой силой и затопила мѣсто выработки: водоотливныхъ машинъ тогда еще не было. Теперь тамъ дѣйствуютъ сильные насосы, но шестой этажъ такъ еще залить, что работъ въ немъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Теперь я вамъ скажу о самой выработкѣ соли. Вы, вѣроятно, знаете, что копь сообщается съ поверхностью земли посредствомъ шахты, т. е. широкаго, большого отверстія, въ родѣ колодца. Всѣхъ шахтъ тамъ до двадцати, но въ употребленіи только три. Въ шахтахъ есть лѣстницы и подъемныя желѣзныя клѣтки; рабочій, попавши въ копь, идетъ подземными ходами — штольнями, и вотъ передъ нимъ пластъ соли, ожидающій выработки. Выработка производится слѣдующимъ образомъ: пластъ дѣлится продольной линіей сверху до низу и кромѣ того поперечной, съ одного конца стѣны до другого, какъ бы правильно разграфленная шахматная доска. Рабочій, получивъ одинъ изъ квадратовъ этой доски, киркой разграничиваетъ его со смежными квадратами, вкладываетъ въ сдѣланныя углубленія клинья и отбиваетъ ломомъ весь квадратъ сразу; такъ же поступаетъ со слѣдующимъ и продолжаетъ свою работу до тѣхъ поръ, пока не выработаетъ всего пласта. Отбитые куски бываютъ до 2-хъ, и даже 7-ми пудовъ вѣсомъ.

Куски эти дѣлятъ на меньшіе и въ такомъ видѣ поднимаютъ на поверхность земли. Величка даетъ въ годъ до 36 мил. пудовъ соли.

— А давно существуютъ эти копи, спросила я Дмитріева?

— Годъ ихъ открытія навѣрно не извѣстенъ. Если вѣрить легендамъ, то ихъ знали уже въ 900 или 1000 году, но первый историческій документъ, въ которомъ говорится объ нихъ, принадлежитъ 1290 году—временамъ Пшемисла, князя Краковскаго.

ВИДЪ КРАКОВА.

Въ настоящее время Величка большое мѣстечко, въ которомъ около 5 тыс. жителей, костель и монастырь.

— Спасибо и за это, сказала Елена Александровна.

Въ шесть часовъ утра, вдали открылся озаренный солнцемъ старинный Краковъ; ясно вырисовался древній замокъ Вовель съ соборомъ, высящимся надъ Вислой. Замелькали вагоны; поѣздъ замедлилъ ходъ; толчекъ, другой—и мы стали. Въ гостинницѣ мы узнали, что въ этотъ день въ Величку попасть нельзя, потому что пятница, а туда пускаютъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, и рѣшили осмотрѣть достопримѣчательности Кракова, этой бывшей столицы и резиденціи королей польскихъ. До желѣзной дороги, городъ этотъ имѣлъ большое торговое значеніе; населеніе его, доходившее нѣкогда до 400 тысячъ жителей, въ настоящее время уменьшилось до 80 тысячъ. Видно, что городъ идетъ къ упадку. Новыхъ домовъ строится мало, но старинныхъ зданій, съ черепитчатыми крышами, узкими рѣшетчатыми окнами, стѣнами съ откосомъ на улицу,—очень много, такъ же какъ и костеловъ съ высокими шпицами. Яркая зелень бульваровъ и садовъ, безоблачное голубое небо, уличное оживленіе, тамъ и сямъ попадающіеся мазуры въ ихъ живописныхъ костюмахъ—все это удивительно красить городъ и служить прекраснымъ фономъ для старинныхъ оригинальныхъ строеній, придавая всему особую, своеобразную прелесть. Но что поражаетъ тамъ всякаго новопріѣзжаго—это невообразимое количество евреевъ, духовенства, монашества и іезуитовъ, громадный монастырь которыхъ находится почти въ центрѣ города, подлѣ стариннаго Маріацкаго собора. Въ Краковѣ же и первый польскій университетъ.

Осмотрѣвши слегка Краковъ, мы отправились къ бывшему королевскому жилищу—замку Вовелю, и на гору Костюшки, польскаго героя. Оба эти мѣста считаются лучшими пунктами Кракова. По пути къ дворцу, мы зашли въ Сукеницы освѣжиться мороженымъ. Сукеницы—громадное старое зданіе, красивой архитектуры, служившее въ былыя времена

ПОЛЬСКІЕ ТИПЫ ИЗЪ ПОДЪ КРАКОВА.

главнымъ пунктомъ для торговыхъ сходовъ и засѣданій; тутъ собирались крупные торговцы, обсуждали свои дѣла, предпріятія и вели финансовыя бесѣды. Въ настоящее время тутъ помѣщается дума и національная выставка картинъ; весь нижній этажъ занятъ магазинами и лавками, а наверху роскошный ресторанъ съ большой террасой, уставленной зеленью и цвѣтами. Отдохнувши въ Суксницахъ, мы наняли двѣ помѣстительныя коляски и поѣхали въ замокъ Вовель, выстроенный на высокомъ холмѣ. Дорога, ведущая на верхъ, очень красива: она вьется вокругъ холма, огибая его, точно винтовая лѣстница. На половинѣ горы, съ лѣва, у васъ подъ ногами раскидывается городъ, съ его каменными зданіями и снующими людьми. Обогнете гору—картина моментально мѣняется: у ногъ вашихъ пропасть; въ глубинѣ ея искрится Висла; на горизонтѣ выступаютъ очертанія Карпатовъ, и чуть чуть виднѣются ихъ снѣжныя вершины. На вершинѣ горы, экипажи наши вѣхали въ первый дворъ, затѣмъ въ другой, въ третій—третій уже площадь, такъ онъ великъ, — и остановились передъ дворцомъ—громаднымъ зданіемъ съ потемнѣвшими, мѣстами облупившимися стѣнами. На другой сторонѣ этой площади возвышается древній гигантскій каѳедральный соборъ. Мы вошли въ соборъ и остановились въ невольномъ почтеніи передъ величественными размѣрами и сѣдой древностію храма. Верхняя часть каменныхъ стѣнъ увѣшана дорогими гобеленовыми коврами; отъ стѣнъ, отъ живописи, образовъ, отъ скульптурныхъ украшеній, отъ богатой массивной гробницы Казимира Великаго, возвышающейся по срединѣ собора,—отъ всего вѣяло стариною, и кругомъ тишина невозмутимая. Мысль невольно унеслась къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда въ этомъ храмѣ молились его современники, знакомые намъ только по исторіи, легендамъ, по преданьямъ старины. Кромѣ средняго отдѣленія, съ главнымъ алтаремъ и гробницей Казимира, соборъ состоитъ еще изъ нѣсколькихъ меньшихъ отдѣленій, съ второстепенными алтарями; кругомъ расположено много часовень съ гробницами, по-

строенными надъ могилами королей польскихъ, прахъ которыхъ покоится въ подземельи; кромѣ того, онъ вмѣщаетъ въ себѣ множество закоулковъ, проходовъ и корридоровъ. На главномъ алтарѣ, по правую и лѣвую руку, красуются два парадныхъ, рѣзной работы, кресла, подъ роскошными балдахинами пунцоваго бархата, питаго золотомъ. Это самыя почетныя мѣста. Одно изъ нихъ, направо, предназначено епископу, а другое, вѣроятно, гостямъ важнаго духовнаго сана, на случай ихъ прїѣзда. Ближе къ алтарю, полукругомъ, стоятъ скамьи съ рѣзными спинками для остального духовенства. Алтарь блещетъ золотомъ, серебромъ, дорогими украшеніями; по срединѣ его большое, изящной работы распятіе, съ обѣихъ сторонъ его массивные, красивые серебряные подсвѣчники, очевидно, старинные. Переходя изъ одной часовни въ другую, отъ одной гробницы къ другой, проходишь отъ грубо пестро намалеванныхъ ликовъ угодниковъ къ изящнымъ барельефамъ, тонкой художественной отдѣлки гробницамъ;—глядишь и не можешь насмотрѣться на прелестную мраморную статую Кановы, изображающую плачущую надъ гробомъ женщину.

Въ общемъ, всѣ эти гробницы массивны, велики, болѣе или менѣе богато и со вкусомъ разукрашенны барельефами, статуями, цѣлыми группами — замѣчательно и красивыми.

Ходъ въ подземелье, гдѣ находятся гробницы короля, прикрытъ двустворчатой желѣзной плитой, вдѣланной въ полъ. Въ это отверстіе спускаются съ провожатыми, которые несутъ въ рукахъ факелы, по узкой, крутой лѣстницѣ! Подземелье обширно; воздухъ сырой, затхлый; куда ни кинешь взглядъ, всюду ниши, съ вдѣланными въ нихъ могилами, или каменные гробницы, похожія на саркофаги. Въ подземельи этомъ покоится прахъ не однихъ королей, но и епископовъ Краковской епархіи и, кажется, главныхъ строителей собора.

Воздушный крытый мостъ соединяетъ соборъ съ дворцомъ, въ которомъ сохраняется обстановка королей поль-

скихъ; къ дворцу примыкають епископскіе покои. Въ отсутствіе епископа доступъ во дворецъ открытъ посѣтителямъ. Но, такъ какъ епископъ оказался дома, то и позволенія осмотрѣть внутреннія покои мы не получили.

Громадное зданье замка Вовеля обращено большей частью въ казармы для солдатъ. Несмотря на это, тамъ еще хранится королевская мебель, домашняя утварь, громадная библіотека Ягеллоновъ и слѣды роскоши, комфорта, блеска, при которыхъ жили властелины уже угасшаго царства.

Возвратившись въ городъ, мы спросили себѣ въ гостиницѣ обѣдъ, гдѣ все приноровлено къ обще-европейскимъ вкусамъ, съ небольшими вариантами. Намъ удалось попробовать холодецъ и цѣлыхъ три національные соусы: фляка — соусъ изъ рубцовъ, бигосъ, чисто польское блюдо изъ колбасы въ соусѣ, и еще что-то третье, въ видѣ соуса, чему я названія уже не припомню; запили марцовымъ (мартовскимъ) пивомъ и поѣхали на гору Костюшки. Пробравшись по улицамъ, мы спустились къ берегу Вислы, свернули вправо и сразу окунулись въ зелень садовъ предмѣстья. Дорога идетъ въ гору, по валу, какъ-бы нарочно насыпанному; слѣва Висла съ прихотливыми домиками по обѣимъ сторонамъ, съ садами и полями, съ купальнями, плотами, лодками на рѣкѣ. Жарко, но зной не такъ чувствителенъ подъ двойной тѣнью каштановъ и буковъ, въ два ряда окаймляющихъ дорогу. На пути монастырь, тихій, безмятежный, высящійся надъ потонувшими въ зелени монастырскими постройками, съ своей пирамидальной, готической колокольной. Густыя деревья, образовавъ какъ бы шатеръ, не позволяютъ развлекаться взору. Когда мы въѣхали на площадку, передъ нами предстала крѣпость, окруженная глубокими рвами и валами, съ разставленными на нихъ орудіями и часовыми. Достигаемъ крѣпостного двора и тутъ только видимъ, что остается подняться еще столько же, только на собственныхъ уже ногахъ. Просреди крѣпостного

двора возвышается громадная, искусственно насыпанная гора, въ видѣ сахарной головы, вершина которой усѣчена въ площадку. Съ этой-то площадки и открывается панорама Кракова и его окрестностей. Основаніе кургана Костюшки обнесено высокой стѣной, на которую входятъ по винтовой лѣстницѣ, устроенной рядомъ съ часовенькой, какъ бы выходящей изъ самой горы. Мы начинаемъ взбираться, и передъ нашими взорами, какъ бы по волшебству, открываются все новыя и новыя прекрасныя картины. И вотъ мы на вершинѣ, и у cadaго вырывается восклицаніе восторга и удивленія. Передъ нами весь старый городъ, съ прихотливыми абрисами церквей, готическихъ колоколенъ, съ старыми, какъ-бы повиснувшими въ воздухѣ башнями Вовеля, съ его зубчатыми узорными стѣнами; онѣ то бѣлыми лентами ниспадаютъ къ Вислѣ, то окружаютъ гору замка. Старый Маріацкій соборъ двумя неровными колокольнями виситъ надъ городомъ, отражая лучи солнца на золотой коронѣ, вѣнчающей высокій тонкій шпигъ; сады зеленой тесьмой оживляютъ древнія сѣрыя стѣны. За городомъ изумрудная долина Вислы, съ маленькими бѣлыми, тамъ и сямъ разбросанными деревушками; а на-лѣво, нивы, лѣса, рощи, перерѣзанныя, какъ бы змѣйками, вьющимися тропинками или широкими посейными дорогами. Большія дачи, лѣтніе королевскіе дворцы разбросаны точно точки по горизонту.

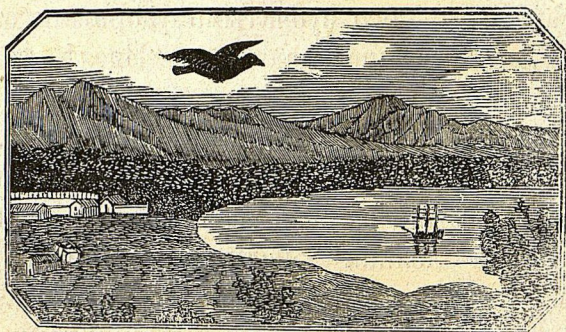
Правая сторона Вислы, повышаясь постепенно, образуетъ холмы и горы, которые переходятъ въ едва виднѣющіеся снѣговые карпаты, ограничивающіе горизонтъ. Все, залитое яркимъ солнцемъ, какъ будто только что обновилось. Мы стояли въ молчаніи, не смѣя оторваться отъ роскошной картины.

Солнце клонилось къ закату; мы сѣли въ экипажи и отправились въ городъ. Дорога шла подъ гору; мы катили отлично и черезъ полчаса сидѣли уже на террастѣ café въ Сукнисицахъ, съ мороженымъ въ рукахъ, сообщая другъ другу

впечатлѣнія дня. Ночь наступила тихая, прозрачная. Небо было усыпано звѣздами; изъ парка доносились звуки оркестра. Каждые полчаса на Марьяцкой колокольнѣ сторожъ игралъ на трубѣ старую-старую, какъ самъ соборъ, музыкальную ретурнель.

М. Калашникова.

Саксонская Швейцарія.

ВЕЛИЧКА.

О СОВѢТУ Дмитріева, мы выѣхали въ Величку въ половинѣ третьяго часа. Духота, жара страшная; спрятаться отъ солнца негдѣ: тѣни и помину нѣтъ, да кромѣ того насъ окутываютъ густѣйшія облака пыли. Несмотря на это и на утомительно-тихую ѣзду, семь верстѣ, отдѣляющихъ Краковъ отъ Велички, промелькнули быстро.

Когда мы взобрались на гору, намъ представилась долина, съ разсѣянными по ней домами, домиками, садами, огородами, большой каменный костель и монастырь. Это и есть Величка. Надо всѣмъ этимъ высится трехъ этажное зданіе—главнаго управленія копей. Мы поровнялись съ хорошенькимъ садикомъ, съ крытой деревянной галлереей, въ родѣ ресторана, и остановились у калитки. Отсюда посѣтителѣ идутъ до копей пѣшкомъ.

Въ садикѣ на нѣсколькихъ столикахъ стояли всевозможныя вещицы изъ каменной соли. Тутъ были книжечки, пе-

чатки, граненныя бусы, топорики, молотки, тачки, пирамиды, обелиски—да всего и не перечесть. Дѣти пришли въ не-описанный восторгъ и не сводили глазъ съ этихъ сокровищъ.

— Мама, мнѣ диванъ со стуломъ или столъ, а мнѣ звѣзду... Мама, мама, посмотри—туалетъ изъ соли, съ настоящимъ зеркаломъ, купи голубушка, милая, пожалуйста, звенѣли радостные, оживленные голоса дѣтей.

Взрослые послѣдовали ихъ примѣру и набрали множество бездѣлушекъ, которыя и просили отложить до нашего возвращенія.

Вещицы были очень мило сдѣланы, даже не безъ изящества; бѣлизна ихъ и прозрачность а также и память о Величкѣ придавали имъ особенно привлекательный видъ. Галерея все болѣе и болѣе наполнялась публикой. Кто покупаетъ солянныя издѣлія; кто отдыхаетъ на скамейкѣ и пьетъ лимонадъ или воду со льдомъ; душно;—всѣ видимо томятся.

Насъ ведутъ въ управленіе;—тамъ сидитъ нѣсколько чело-вѣкъ, также въ ожиданіи. Ну, вотъ мы и въ полномъ сборѣ.

Чиновникъ управленія ввелъ насъ въ пріемную и принялся совѣщаться о чемъ-то съ огненно-рыжимъ господиномъ, тоже посѣтителемъ, очевидно, хорошо знакомымъ съ здѣшними порядками. Этотъ послѣдній подошелъ къ Павловскому и по польски спросилъ, по какому классу отправится наше общество. Павловскій съ недоумѣніемъ взглянулъ на него и видимо не зналъ, что отвѣтить.

— По первому, конечно, поторопился отвѣтить за него Дмитріевъ. Я и забылъ васъ предупредить, обратился онъ къ намъ, по уходѣ господина, что, если хотите видѣть Величку во всей ея красотѣ, съ разными сюрпризами и фокусами, то должны немного дороже заплатить; такое путешествіе и будетъ по I-му классу, а прогулка по второму, хотя и дешевле нѣсколько, но за то ужъ не такъ хорошо обставлена и вообще безъ всякихъ затѣй.

Мы, само собой разумѣется, стали на сторону I-го класса.

Между тѣмъ, говорившій господинъ и чиновникъ считали, сколько насъ, записывали и снова считали.

Вначалѣ было не скучно; всѣ разглядывали своихъ будущихъ спутниковъ, знакомились, заводили разговоры и ждали терпѣливо окончанія; наконецъ, терпѣнiе лопнуло: приемная небольшая; набилось въ нее человекъ 30—40,—жара и духота страшная. Но вотъ, переговоры окончены; плата внесена, и мы въ 10-й разъ пересчитаны. Мы идемъ въ такъ называемое надшахтное зданiе—строенiе, сооруженное надъ самой копью. Прямо съ улицы входимъ въ башню безъ потолка, подъ защитой одной крыши. Середину ея занимаетъ шахта, на заднемъ планѣ помѣщается паровая машина, а на переднемъ деревянная настилка, чтобы ходить было удобно. Возлѣ самага отверстiя шахты разставлены столики и производится торговля разными подѣлками изъ соли, такими-же, какъ и въ саду, при галлерей. Мы проходимъ его быстро и вступаемъ въ сосѣднiя съ нимъ двѣ комнаты, изъ которыхъ задняя, видимо уборная—въ ней есть и зеркало. Тутъ происходитъ нѣчто совсѣмъ неожиданное: приносятъ кучу парусиныхъ, желтыхъ балахоновъ, съ завязками у тали и остроконечными капюшонами, а за ними появляется такое-же количество зеленыхъ войлочныхъ шапочекъ съ сѣрыми кантами, и предлагаютъ намъ надѣть это все на себя. Замѣтивъ общее недоумѣнiе при видѣ такихъ удивительныхъ костюмовъ, сопровождавшій насъ чиновникъ пояснилъ, что безъ этихъ предосторожностей мы рискуемъ испортить платья и шляпы, такъ какъ въ копи каплетъ съ потолка, а соль оставляетъ желтыя пятна на свѣтлыхъ лѣтнихъ матерiяхъ. Наступила минутная нерѣшимость—особенно между дамами: и платьевъ жалъ, и маскарадъ не по вкусу! Всѣ искоса глядятъ на халаты и на колпаки, и никто не рѣшается надѣть ихъ первымъ. Г-жа Павловская первая облеклась въ оригинальные доспѣхи. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ 40 человекъ представляли такое комическое зрѣлище, что не было возможности гля-

дѣтъ другъ на друга безъ смѣха. Особенно хороши были дѣти: балахоны до пятъ, а изъ подъ шапокъ только носы выглядываютъ. Когда сборы были окончены, приступили къ спуску; все общество выстроилось попарно, какъ въ институтахъ или пансіонахъ, и направилось къ шахтѣ—большому, широкому, глубокому отверстию, схожему по формѣ съ колодцемъ. По серединѣ шахты, на канатѣ, виситъ клѣтка для подъема и спуска, а по наружнымъ стѣнамъ расположены лѣстницы—по нимъ насъ и повели. Чинно, тихо вступили мы на лѣстницу, ведущую внизъ. Яркій дневной свѣтъ быстро уступилъ мѣсто сѣренькому полумраку; полумракъ дѣлается все туманнѣе, неопредѣленнѣе и смѣняется глухою ночью. Передъ каждой парой идетъ проводникъ, съ зажженной лампочкой, и освѣщаетъ путь; деревянная лѣстница крута, узка, съ непрерывными поворотами; свѣтъ лампочекъ тусклъ и недостаточенъ.

Идемъ мы, идемъ,—конца нѣтъ лѣстницѣ, а мы уже порядкомъ углубились подъ землю, и жаръ давно смѣнился пріятной прохладой. Вдругъ гдѣ-то вблизи зажурчала вода. Проводникъ опустил лампочку: свѣтъ упалъ на нѣсколько влажныхъ пятенъ, а вотъ и вода льется по водопроводной трубѣ, у самыхъ перилъ, просачиваясь тонкой струйкой наружу. Откуда бы это?

— Съ песчанымъ пластомъ поровнялись, сказалъ мой проводникъ; вся пройденная нами толща—пустая порода; сейчасъ глиняный пластъ начнется, а тамъ скоро и лѣстницѣ конецъ: камеры пойдутъ.

Внезапно откуда-то пахнуло сыростью; еще нѣсколько шаговъ, и послѣдняя, 330-я по счету, ступень сойдена. Мы въ часовнѣ. Передъ алтаремъ, помѣщаемымъ въ нишѣ, молятся двѣ колѣнопреклоненныя фигуры, съ надвинутыми на лицо капюшонами; на-право отъ нихъ возвышается статуя въ человѣческій ростъ; вокругъ часовни, тоже въ нишахъ, виднѣются изображенія святыхъ и горятъ цвѣтныя фонарики, проливающіе таинственный полусвѣтъ на все

окружающее. Не ожидая ничего подобного, всё стоять неподвижно и какъ бы недоумѣваютъ, куда это они попали,—не сонъ ли это? Но прошла первая минута оцепенѣнія, и проснулось любопытство. Кто осматриваетъ красивый, въ зеленой соли высѣченный алтарь, кто приглядывается къ соляной статуѣ Августа II, къ фигурамъ монахинь. Кто-то даже не утерпѣлъ и лизнулъ кашюшонъ одной изъ нихъ, чтобы убѣдиться въ матеріалѣ, изъ котораго онѣ сдѣланы—оказалось, тоже соль, но уже сильно потемнѣвшая и принявшая почти черный цвѣтъ отъ времени. Впрочемъ, это обстоятельство не только не портитъ впечатлѣнія, но еще поддерживаетъ иллюзію, особенно издали, придавая молещикамъ суровый, отшельническій видъ.

— Эта часовня выстроена въ честь св. Антонія, сообщаетъ мнѣ одинъ изъ посѣтителей; при ней и особый капелланъ состоялъ, и служба шла каждый день, только это давно было. Теперь служатъ въ ней два раза въ годъ: въ день восшествія на престолъ Франца-Иосифа, императора австрійскаго, и въ день годовщины открытія копи.

Публика двигается дальше. Мы вступаемъ въ длинный, узкій корридоръ, или, иначе, штольню, но не успѣваемъ хорошо присмотрѣться къ ней, какъ наши проводники останавливаются у запертой двери и, не взирая на то, что другого выхода нѣтъ, не пускаютъ насъ пройти въ нее, предоставляя сколько угодно волноваться и теряться въ предположеніяхъ. Насъ буквально сбили въ кучу передъ этой неожиданной преградой, и ни шагу далѣе!

Прошло нѣсколько минутъ. Мы громко выражаемъ свое удивленіе, спрашиваемъ о причинѣ такого ареста,—насъ не слушаютъ; мы еще болѣе волнуемся и внезапно, всё сразу, какъ бы по волшебству умолкаемъ: загадочная дверь раскрыта настежь; море звуковъ и свѣта льется намъ на встрѣчу. Еще мгновенье, и пары въ халатахъ и колпакахъ, подъ темпъ живой, полной огня и увлеченія мазурки, вихремъ несутся по роскошному, блещущему огнями бальному

залу. Куда дѣвалась молчаливость, сосредоточенность, торжественное настроеніе;—ихъ замѣнили говоръ, смѣхъ, веселыя улыбки, оживленныя лица. „Кадриль, кадриль!“ кричить кто-то. Оркестръ заигралъ ретурнель; мигомъ составилось нѣсколько каре, и начался балъ. Но что за балъ? Болѣе оригинальнаго и комическаго я еще ничего въ жизни не видѣла, да вѣрно и не увижу никогда. Ни церемоніи, ни помышленія о красотѣ и изяществѣ—всѣ веселись просто, отъ души! Пока остальные танцуютъ, полюбуемся на красивый, изящный залъ. Стѣна, противоположная входу, украшена громаднымъ транспарантомъ, изображающимъ женщину со свѣтильникомъ въ рукѣ,—это аллегорическая богиня копи. Даже не вѣрится, что находишься на глубинѣ 33-хъ сажень подъ землей, въ копи, а не въ какомъ нибудь домѣ или клубѣ. Большіе размѣры зала, вокругъ высокія, стройныя колонны, гладкій полъ, блестящія люстры, горящія сотнями огней, хоры, съ греющимъ на нихъ оркестромъ—ничто не напоминаетъ мрачныхъ подземелій, гдѣ изо дня въ день производится тяжелая работа, чтобы доставить людямъ соль. Спуститесь этажа на два, на три ниже—тамъ не тронутые еще соляные пласты ожидаютъ человѣка, чтобы онъ превратилъ твердыя, сплошныя массы въ тотъ тонкій, бѣлый или сѣрый, грубый порошокъ, безъ котораго не обходится ни богатый, ни бѣдный человѣкъ. Часа два тому назадъ тамъ, внизу, еще раздавались удары ломовъ, работали кирки, лопаты, двигались тяжелыя тачки, нагруженные солью въ кускахъ, кипѣла непрерывная, трудная подземная дѣятельность, а теперь, въ этой же копи, нѣсколько выше, танцы, потоки свѣта, бальная музыка....

— Какой прекрасный залъ, это волшебство, говорю я подошедшему ко мнѣ Дмитріеву.

— Да, хорошъ; прежде онъ состоялъ изъ двухъ сложныхъ помѣщеній. Это уже по распоряженію Суворова, во время его пребыванія въ Краковѣ, въ 1809 г., они соединены въ одно цѣлое, отдѣляли же его вполне только къ

пріѣзду Франца Іосифа, въ 1868 году. Какъ видите, и тутъ есть частичка нашего русскаго, хотя и небольшая.

Но вотъ угасъ яркій свѣтъ, смолкла музыка, и мы идемъ обратнымъ путемъ, въ такъ называемую Камеру Урсулы, замѣчательную своимъ порталомъ изъ зеленой соли, ведущимъ въ сосѣдній съ ней большой залъ Михайловича. Вотъ что рассказываютъ немъ: въ холерную эпидемію, свирѣпствовавшую въ 1839 году, отправили цѣлую партію мѣстныхъ жителей въ кошь, славящуюся чистымъ, здоровымъ воздухомъ. Результаты оказались блистательными, и ни одного случая заболѣванія не было. Спасенные отъ страшной болѣзни пожелали чѣмъ нибудь увѣковѣчить свое избавленіе и соорудили собственноручно этотъ порталъ. Воздухъ Велички, говорятъ, исцѣляетъ всякіе катарры, горловые и грудныя болѣзни и проч. Дышется въ копи дѣйствительно чрезвычайно легко и хорошо: воздухъ чистъ, свѣжъ, лишенъ вредныхъ газовъ и, благодаря соли, втягивающей въ себя влагу, сухъ.

— Готовьтесь, — увидите нѣчто грандіозное, шепчетъ мнѣ Дмитріевъ.

Я готовлюсь, но кромѣ лѣстницы ничего не вижу. Считаю ступени, спустился и обомлѣлъ: подъ ногами растилается залъ такихъ громадныхъ размѣровъ, что глазамъ не вѣрится, а сами мы, пройдя черезъ потолокъ, находимся на балконѣ страшной высоты, съ котораго предстоитъ спуститься прямо въ залъ, по лѣстницѣ, устроенной по стѣнѣ; спускъ безопасенъ, но необыкновененъ. Снизу слышатся звуки марша: они точно приглашаютъ насъ выстроиться въ колонны и начать походъ. Мы слушаемся этого призыва, и передовыя пары открываютъ шествіе; медленно, одни за другими, подвигаемся мы къ лѣстницѣ. Наступаетъ и моя очередь; я ставлю ногу на первую ступеньку, взглядываю внизъ, и дыханіе спирается въ груди. Ослѣпительный свѣтъ люстры, рядомъ съ которой я стою, страшная, отвѣсная, раскрытая подъ ногами бездна, волнообразно движущаяся масса людей,

музыка—все сливается въ одно искрящееся, переливающееся, колеблющееся цѣлое, въ которомъ нѣтъ ни послѣдовательности, ни опредѣленности; это хаосъ, но хаосъ полный красоты, величія, блеска. Голова моя отуманена, глаза ослѣплены, я боюсь упасть, но маршъ выручаетъ изъ бѣды: ноги, какъ-то сами собой слѣдуютъ ритму, подъ тактъ двигаются со ступеньки на ступеньку и, наконецъ, благополучно достигаютъ пола. Вотъ наше триумфальное вступленіе въ залъ и совершилось! Сравнительно съ видомъ сверху, онъ производитъ менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ ожидаешь; можетъ оттого, что здѣсь зала принимаетъ обыкновенныя, ясно видимыя формы и утрачиваетъ свою первоначальную, сказочную обстановку. Тѣмъ не менѣе, въ красотѣ, грандіозности и оригинальности отказать невозможно. Говорятъ, устройство этой залы потребовало громаднхъ издержекъ, особенно лѣстницы: одна, въ 120, ступеней изъ Камеры Урсулы выводящая черезъ потолокъ на балконъ; другая, въ 160 ступеней, идущая по стѣнѣ внизъ до пола залы; лѣстницы частью деревянные, частью вырублены въ соли. Верхъ залы до балкона принадлежитъ 1-му этажу, а вся остальная часть находится уже во 2-мъ, и мы на глубинѣ 62 сажень отъ поверхности земли.

Вся Михайловская камера освѣщена огромной люстрой, въ нѣсколько ярусовъ, сдѣланной изъ бѣлой, самой чистой соли; въ этой люстрѣ горитъ до 300 свѣчей, чего тѣмъ не менѣе не совсѣмъ достаточно для такого громаднаго помѣщенія. Длина залы 24 сажени, 18 вышины и 14 ширины.

Направляемся къ выходу; еще шагъ, и мы снова въ штольнѣ, узкой, темной; ей сейчасъ конецъ, и мы въ камерѣ Франца Іосифа. Двѣ каменные бѣлыя пирамиды возвышаются съ ея дна, подходятъ подъ потолокъ и служатъ быками воздушному, легкому мосту, перекинутому съ одной стороны камеры на другую. Сначала мы, кромѣ верхней ея части, начиная съ моста, ничего разглядѣть не можемъ: все тонетъ во мракѣ; гдѣ это дно, на какой оно глубинѣ—

Богъ его знаетъ, да мы объ этомъ и не заботимся, а смѣло приступаемъ къ воздушной переправѣ. Прошли нѣсколько шаговъ; вдругъ проводники останавливаются и предлагаютъ заглянуть черезъ перила внизъ. Передъ нами сразу открывается пропасть, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ. Но какъ-какая! неизмѣримой глубины, изрытая нависшими глыбами, удивительно живописная. Бенгальскій огонь погасъ, и все скрылось во тьмѣ.

Идемъ скорѣе дальше, минуемъ это печальное, грозное мѣсто. Но, чу! опять музыка. Слабые, нѣжные, мелодичные звуки еле-еле доносятся къ намъ издали, замираютъ, прерываются, вновь усиливаются... и вотъ подъ нашими ногами разстилается тихое, зеркально-гладкое озеро, словно потонувшее въ озаряющемъ его голубомъ сіяніи; все дышетъ безмятежнымъ покоемъ, миромъ, поэзіей. Я залюбовалась прелестнымъ видѣніемъ и жаль было разстаться съ нимъ. Оставаться и предаваться восторгамъ нельзя: проводники торопятъ идти дальше.

— Не горюйте, говоритъ Дмитріевъ, — скоро будемъ у озера.

Мы входимъ въ большую камеру; въ ней выработанные соляные пласты образовали множество уступовъ, разнообразной формы и величины; отсюда спускаемся по лѣстницѣ въ другую камеру, украшенную большимъ солянымъ обелискомъ, проходимъ ее быстро и вступаемъ въ длинную штольню. Казалось бы, скучно идти по безконечному, однообразному корридору, да отъ времени до времени ощущать, что съ потолка дѣйствительно каплетъ. На самомъ дѣлѣ однообразіе это только кажущееся: присмотритесь, и вы увидите, что и тутъ есть на чемъ остановиться взору. Взгляните хоть на эту часть стѣны, какъ она блеститъ, какъ она ровна, гладка, словно отполирована; рядомъ является возвышеніе, далѣе ниша, тамъ наросты самыхъ причудливыхъ формъ, тутъ глубокая разсѣлина, въ изломѣ которой отражается свѣтъ нашихъ лампочекъ. А сколько оттѣнковъ, полутоновъ, тѣней! Залюбоваться можно.

Потянуло откуда-то влажнымъ воздухомъ.

— Отчего это? спрашиваю.

— А это, говорятъ мнѣ, старая шахта; она для вентилациіи только служить теперь, по ней давно ужъ нѣтъ движенія. Сейчасъ другая будетъ, такъ та уже настоящая, къ ней главный подвозъ соли изъ всей копи, а за ней и вокзалъ сейчасъ.

— Что это за вокзалъ такой, откуда это названіе? думаю я, идя по длинному переходу, которому и конца не предвидится.

Старая шахта пройдена, а вокзала нѣтъ, какъ нѣтъ. Но вотъ штольня сразу расширилась, и мы въ обширномъ, продолговатомъ помѣщеніи, надъ порталомъ котораго красуется надпись: „Вокзалъ Голуховскаго“ (всѣ камеры имѣютъ свое названіе) и эмблема копи: кирка и молотокъ, сложенные на крестъ, внизу, подъ ними, изображена лампочка рудокоповъ. Самый вокзалъ производитъ самое пріятное впечатлѣніе; онъ милъ, изященъ, красивъ и сверху до низу, усыянъ цвѣтными фонариками, между которыми эффектно выступаютъ темныя, изъ бурой соли, стѣны, разрисованныя бѣлыми узорами въ видѣ гирляндъ, то перехваченныхъ, то ниспадающихъ къ полу.

Широкій балконъ, съ затѣйливой, разукрашенной балюстрадой и двумя не менѣе элегантными, ведущими внизъ лѣстницами, со всѣхъ сторонъ окружаетъ вокзалъ, опираясь на высокія соляныя колонны. Въ одномъ мѣстѣ онъ образуетъ какъ бы площадку—здѣсь помѣщается оркестръ, отсюда неслись звуки бойкаго Штраусовскаго вальса. На право отъ входа возвышается деревянный, очень легкій павильонъ, съ буфетомъ. Послѣ длинной прогулки очень пріятно было опуститься на скамейку и подкрепить силы рюмкой хорошаго вина: утомительные частые спуски по лѣстницамъ сильно давали себя чувствовать—ноги подкашивались и плохо слушались. Отдыхая, слушая музыку и любуясь вокзаломъ, я обратила вниманіе на цѣлую сѣть рельсовыхъ путей, сходя-

щихся въ немъ. Оказалось, что тутъ проходить конно-желѣзная дорога, и съ разныхъ концовъ копи сюда свозится соль, а отсюда уже къ шахтѣ; оттого эта камера и называется вокзаломъ.

— Конно-желѣзная дорога;—да развѣ лошади могутъ выносить подобную жизнь подъ землей? изумляюсь я.

— И какъ еще выносятъ—отлично; у нихъ тутъ и конюшня удобная, и содержаніе прекрасное, и чистый, хорошій воздухъ—чего же имъ еще?

Однако пойдѣте дальше; мы посидѣли, набрались новыхъ силъ, осмотрѣли вокзалъ, значить пора и въ путь. Направились къ выходу опять той же длинной штольней, вплоть до лѣстницы, по которой спустились уже въ третій этажъ. Вотъ большая камера. Тутъ все кристаллическая, бѣлая соль, и свѣтъ—такъ играетъ въ ней, переливается, скользитъ змѣйками, забирается въ трещинку, вдругъ ярко сверкнетъ на ея изломѣ радужнымъ лучемъ или разсыплется блестящими искорками. Но что это за странные предметы расположены по камерѣ, подходящіе подъ самый потолокъ? Едва ли это украшенія: ни вкуса, ни симметріи. Это бревна, положенныя одни на другія, то вдоль, то поперекъ, точно такъ, какъ на окнахъ свѣчныхъ лавокъ раскладываютъ казанское или русское мыло; возлѣ столбъ какой-то, потому что-то въ родѣ пирамиды, и опять столбы, все разнаго вида, формы и величины.

— Вы, я вижу, смотрите и не знаете, что это такое, говоритъ одинъ изъ посѣтителей, подходя ко мнѣ.

— Бревна то я ужъ въ штольняхъ и другихъ камерахъ видѣла, но зачѣмъ они и вообще все это, не знаю, отсылаюсь я.

— Да ими крѣпятъ потолоки выработанныхъ камеръ и штоленъ, чтобы не обрушивались.

Что за наказаніе—опять лѣстница. Ну, дѣлать нечего, собираюсь съ силами и иду, хотя ноги подкашиваются. Теперь двигаемся по штольнѣ, коротенькой, и опять лѣстница вверхъ. Вотъ и добрались. Передъ нами большое, пустынное помѣщеніе съ двумя пирамидами, широкое

основаніе которыхъ покоится на полу камеры, а верхъ... подымаю голову посмотрѣть, до какой вышины они достигаютъ, и не могу удержать восклицанія изумленія. Да вѣдь мы теперь на днѣ той самой камеры, въ которой любовались на грозную пропасть, а потомъ на таинственное, прекрасное озеро—вотъ и мостъ, вотъ и бѣлыя пирамиды надъ нимъ. Бенгальскій огонь разлилъ свой яркій свѣтъ сверху и озарилъ всю камеру. Боже, какъ высоко! какимъ воздушнымъ, легкимъ, миниатюрнымъ кажется этотъ мостъ! Неужто ни у кого голова не кружилась. Проходимъ небольшою переходъ, и мы на берегу того самого подземнаго озера, на которое такъ хотѣлось взглянуть еще разокъ. Передъ нами тихія, безмолвныя, гладкія воды; высокія отвѣсныя стѣны поднимаются прямо изъ нихъ; сотни разноцвѣтныхъ огней сверкаютъ и переливаются всѣми цвѣтами радуги у самой поверхности воды отражаясь въ ней прихотливыми полосами, лучами, извиваясь зигзагами, рассыпая безчисленные золотыя искорки; какъ расплавленный металлъ, блеститъ все озеро, а немного выше, надъ нимъ, царитъ глубокая, непроницаемая тьма—лучи свѣта пропадаютъ, тонутъ въ вышинѣ. Въ глубинѣ озера—нищъ или, вѣрнѣе, туннель, пробитый въ соляной стѣнѣ, а за нимъ, какъ бы въ рамкахъ, виднѣтся волшебное зрѣлище второго озера, залитого изумрудно зеленымъ свѣтомъ, выступающаго на фонѣ нависшихъ надъ нимъ соляныхъ глыбъ, самыхъ фантастическихъ очертаній. Вездѣ тихо, ни звука, ни шелеста; точно подъ вліяньемъ чаръ, все заснуло непробуднымъ сномъ смерти. Глядишь на это таинственное, сказочное мѣсто, и невольно приходятъ въ голову мифологическія легенды о подземной рѣкѣ Летѣ и Харонѣ, перевозящемъ души умершихъ въ мрачное царство Плутона и Прозерпины. У пристани недвижно стоитъ небольшой паромъ, замѣняющій челнъ загробнаго перевозчика. Но вотъ нашъ Харонъ зоветъ къ себѣ, и мы, медленно покидая берегъ, скользимъ по соннымъ подземнымъ водамъ, спокойствіе которыхъ не смѣетъ нарушить самое легкое ду-

новеніе вѣтерка. Мы достигаемъ середины озера. Въ то же мгновеніе сверху раздается дивный, торжественный гимнъ исполняемый невидимыми хоромъ и оркестромъ, и все вокругъ сразу запылало ярко-краснымъ огнемъ; вступаемъ въ туннель, — новое очарованіе: вся масса звуковъ какъ бы устремляется къ намъ; отражается въ высокихъ сводахъ арки, дробится и, повторяемая безчисленными эхо, отдается во всѣхъ закоулкахъ озера, постепенно замирая въ дали. Въ предѣлахъ нашего міеологическаго царства, все обито чуднымъ зеленоватымъ свѣтомъ. Это освѣщеніе, въ душу льющіеся звуки, озеро, вся эта волшебная обстановка производили потрясающее впечатлѣніе и вызвали на глаза слезы; восторженное настроеніе помимо воли вылилось въ пѣніи: кто только могъ пѣть, присоединилъ свой голосъ къ хору, и звучно неслась по водамъ та пѣснь, находя откликъ въ душѣ каждого изъ насъ.

Мы медленно подходимъ къ берегу; паромъ причаливаетъ, и наступаетъ пора разстаться со всѣмъ, что вызвало такой искренній восторгъ...

Но вотъ озеро шлетъ намъ свой прощальный привѣтъ: въ тотъ мигъ, какъ мы касаемся суши, весь противоположный берегъ, вплоть до туннеля, является намъ плавающимъ въ голубомъ туманѣ; это видѣніе такъ воздушно встаетъ изъ-за обѣятой сумерками полосы ближайшаго къ намъ озера, что теряетъ всякую правдоподобность и окончательно входитъ въ область міа и фантазіи. Это сцена изъ тысячи и одной ночи, фата моргана, дивная декорація—все что хотите, но только не дѣйствительность.

— Откуда же взялось это озеро? спрашиваю я, по дороге, у нашего проводника?

— Когда спускались шахтой, отвѣтилъ онъ, вы вѣдь замѣтили воду, просачивающуюся изъ песочнаго пласта; вотъ ее то и проводятъ, частью въ нижній этажъ, откуда выкачивается машиной, частью же къ озеру — сколько надобно, чтобы оно не высыхало. Наше озеро глубоко—сажени три

будетъ, только утонуть въ немъ невозможно: вода очень густа отъ растворившейся въ ней соли; видѣли паромъ, вѣдь небольшой, а на немъ безопасно могло бы ѣхать общество, вдвое больше вашего—все изъ за густой воды. Когда большіе дожди идутъ—вода прибываетъ въ киль, и озеро легко можетъ переполниться, тогда мы черпаемъ изъ него лишнюю воду и поливаемъ путь желѣзной дороги, чтобы лошади лучше сбивали землю подъ ногами, а то отъ постоянной сухости пылить ужъ очень.

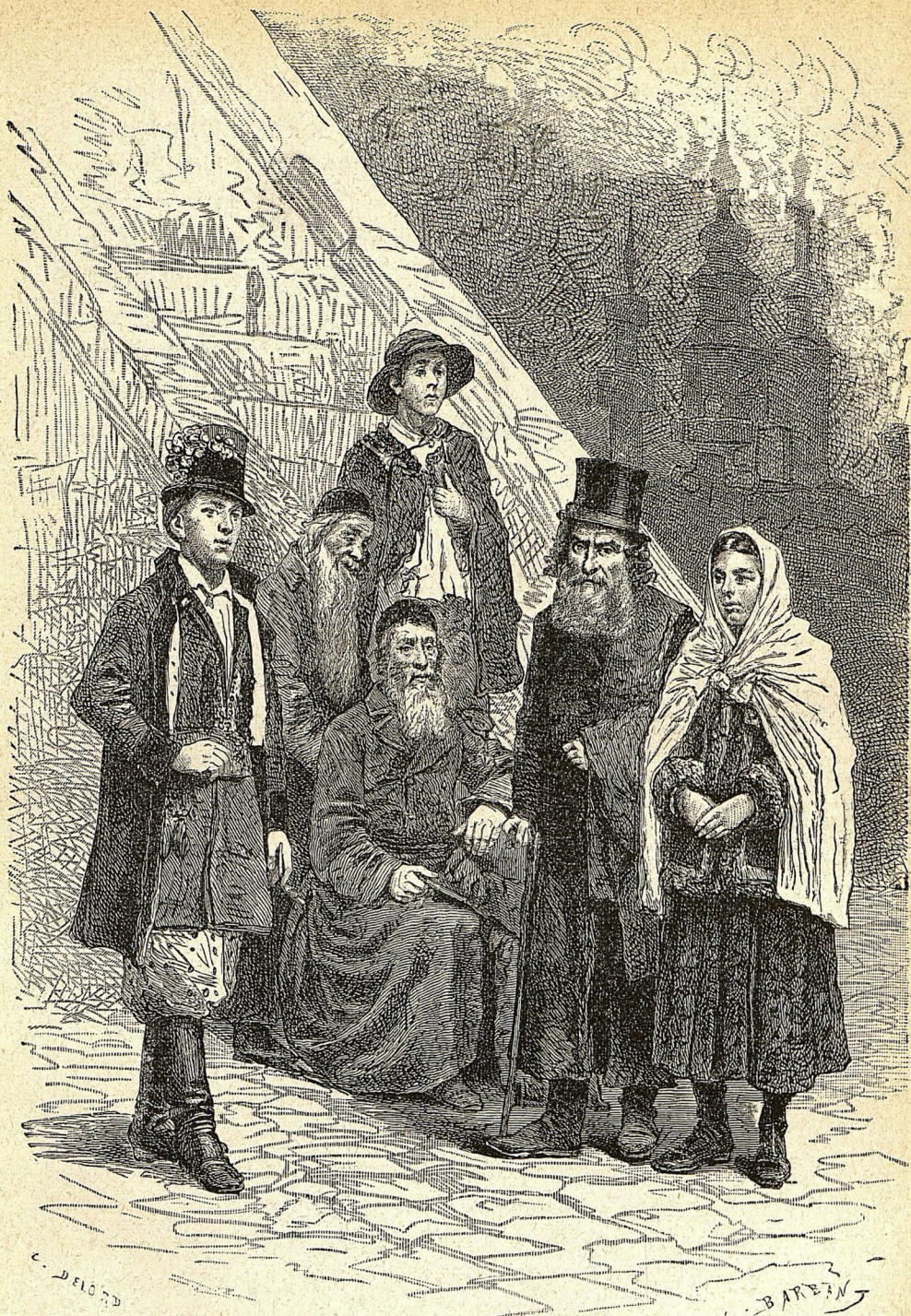
Разговаривая, мы пришли къ послѣдней, открытой публикѣ камерѣ. Вначалѣ она не поражаетъ чрезмѣрной вышиной, но постепенно возвышается и возвышается, и въ глубинѣ мы видимъ громадной вышины отвѣсную стѣну. По настоянію проводниковъ, мы остановились у самаго входа въ камеру. Не успѣли мы выразить своего недоумѣнія по этому поводу, какъ пришлось изумиться новому явленію: освѣщавшія намъ путь лампочки внезапно погасли, и мы остались въ такомъ мракѣ, что зги Божьей не видать. Въ ту же минуту до нашего слуха долетѣло странное, протяжное пѣніе, выходившее, казалось, изъ самыхъ нѣдръ земли. Мало по малу пѣніе стало приближаться, становится опредѣленнѣе, громче; мы уже ясно различали своеобразную мелодію, низкіе мужскіе голоса, исполняющіе ее, и упорно всматривались въ темноту, надѣясь увидѣть загадочныхъ пѣвцовъ, которые, очевидно, достигли уже поверхности. Вдругъ въ самой глубинѣ камеры блеснулъ красноватый огонь и вслѣдъ за нимъ нѣсколько темныхъ фигуръ, озаренныхъ измѣнчивымъ, дрожащимъ факельнымъ свѣтомъ, стали медленно отдѣляться отъ дна ея и подыматься вверхъ на двухъ крестообразно сложенныхъ срубахъ. То былъ минутный возвратъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда единственнымъ средствомъ сообщенія между кошкою и поверхностью земли служило такое первобытное и далеко не безопасное приспособленіе. Затаивъ дыханіе, слѣдимъ мы за воздушнымъ полетомъ 8-ми чернорабочихъ; тихо, плавно

подымаются они, грандіозно, торжественно звучить ихъ пѣснь, а широкіе размахи факеловъ, пламя которыхъ длинными, огненными языками вѣтся, мелькаетъ, трепещетъ во мракѣ, придають всей этой картинѣ сверхестественный характеръ. Пѣснь, вначалѣ громкая, повторяемая безчисленными эхо, по мѣрѣ удаленія отъ земли, все слабѣетъ и замираетъ; глазу уже трудно различать человѣческія фигуры,—очертанія ихъ измѣнились, слились въ одно неясное цѣлое, и повиснувшая въ воздухѣ группа людей мало по малу принимаетъ обликъ какой-то фантастической черной птицы, съ распростертыми, огненно-красными крыльями, медленно, кругами парящей къ верху и постепенно пропадающей въ страшной вышинѣ. Но вотъ замерли послѣдніе звуки пѣсни; еще разъ сверкнуло красное пламя и погасло; видѣніе исчезло, какъ бы потерялось, разсѣялось во тьмѣ. А мы все стоимъ недвижно на мѣстѣ и смотримъ ему вслѣдъ, словно надѣясь, что оно вновь появится передъ нами. Но чудеса Велички не позволяютъ долго сосредоточивать мысли на одномъ и томъ-же. Шипѣнье и свистъ высоко надъ нашими головами взлетѣвшей ракеты сразу отрезвило насъ. За первой ракетой взвилась вторая, третья; вертящіяся фигуры, снопы, римскія свѣчи слѣдовали одни за другими безъ перерыва, мимолетно, прихотливо озаряя угрюмую камеру, которая, подъ вліяніемъ этого капризнаго освѣщенія, казалось, и очертанія-то свои измѣнила. Едва успѣла послѣдняя ракета исчезнуть въ вышинѣ, какъ моментально всю камеру залило бенгальскимъ огнемъ; ни одинъ выступъ, ни одинъ уголокъ не могли скрыться отъ глаза—все, какъ на ладони, и какъ-же это „все“ хорошо, картинно, живописно! Внезапно появился свѣтъ и также внезапно исчезъ, замѣнившись слабымъ, желтоватымъ пламенемъ лампочекъ проводниковъ, и мы снова увидѣли себя въ прежней обстановкѣ. И какой же я почувствовала себя маленькой, ничтожной, при взглядѣ на эти темныя, отвѣсныя, изрытыя стѣны, казавшіяся при свѣтѣ

фейерверка и бенгальскаго огня несравненно болѣе мягкими, даже воздушными, а теперь выступающія во всемъ своемъ суровомъ, грозномъ величій.

Не далеко уже до конца нашего путешествія; сейчасъ пройдемъ черезъ камеру, вступимъ въ самую ея глубину, откуда подымались чернорабочіе, и вотъ, мы у шахты, а въ ней насъ ждетъ большая двухъэтажная клѣтка, изъ желѣзныхъ брусевъ, прикрѣпленная къ толстому проволочному канату. Канатъ этотъ перекинутъ вверху черезъ барабанъ паровой машины, а къ другому концу его подвѣшена вторая клѣтка, помѣщающаяся въ сосѣднемъ отдѣленіи шахты. Паровая машина приводитъ въ движеніе барабанъ, причемъ канатъ съ одной его стороны сматывается и опускаетъ 1-ю клѣтку, а на другую наматывается и подымаетъ вторую, такъ что, когда одна клѣтка внизу, другая всегда наверху. Насъ впустили по 4 человѣка въ каждый этажъ, кромѣ того, по одному проводнику, и заперли дверцы. Зазвучалъ колокольчикъ, и нашъ оригинальный экипажъ сталъ сперва медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе подыматься въ воздухъ. Не могу сказать, по крайней мѣрѣ лично я, чтобы это путешествіе было страшно или производило головокруженіе, какъ приходилось слышать отъ многихъ, но, во всякомъ случаѣ, то ощущеніе, что теряешь почву подъ ногами и висишь въ пустомъ пространствѣ, производитъ странное впечатлѣніе.

Ѣзда наша продолжалась минутъ 5—самое большее; во время наиболѣе скорого движенія снова зазвучалъ колокольчикъ — знакъ, что поверхность земли недалеко. Клѣтка пошла медленнѣе; тусклый полусвѣтъ началъ проникать къ намъ; еще минута—и клѣтка, сильно встряхнувшись, стала. Юньскимъ, настоящимъ тепломъ обдало насъ, при выходѣ изъ воздушнаго нашего заточенія, а яркій дневной свѣтъ показался такимъ ослѣпительнымъ, что глаза выдержать не могли, и невольно всѣ щурились и закрывались. Между тѣмъ клѣтки подымались одна за дру-

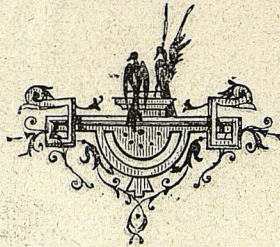
ГАЛИЦКІЕ ТИПЫ.

гой, и вскорѣ наша компанія оказалась вся на лицо. Сдавъ наши колпаки и халаты, мы нагрузились прежними, да еще вновь купленными бездѣлицами изъ соли и направились къ экипажамъ.

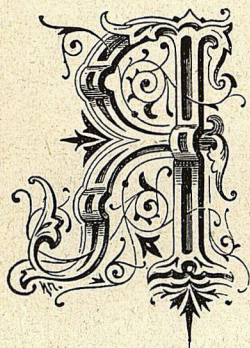
Вначалѣ разговоры вязались плохо: всякій думалъ обо всемъ видѣнномъ и пережитомъ и молчалъ, точно боясь помѣшать мыслямъ своихъ спутниковъ. Но теплый воздухъ, солнце, зелень разсѣяли сосредоточенность и молчаливость. Всѣ наперерывъ спѣшили излить, что наполняло душу. Величка давно уже скрылась изъ глазъ; еще немного, и мы на вокзалѣ; крикъ, шумъ, говоръ. Запираются дверцы вагоновъ; раздается третій звонокъ, и поѣздъ тяжело трогается съ мѣста. Далеко умчитъ онъ насъ отъ Велички, но разстояніе не заставитъ забыть ея волшебныхъ копей.

М. Калашникова.

Саксонская Швейцарія.

ТРИ ПОРЫ.

БЫЛЪ ребенкомъ и любилъ
Смотрѣть бывало вечерами,
Какъ мѣсяцъ въ небѣ то свѣтилъ,
То застился облаками;
Любилъ еще, когда звѣзда,
Скрываясь съ неба, угасала.
Не знаю самъ, зачѣмъ, куда
Моя мечта тогда летала,—
Одно я помню, отъ окна
Почти не могъ отвести я взора:

Смотрѣлъ, какъ прячется луна,
Какъ гаснуть звѣзды...

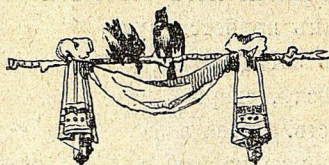
Послѣ, скоро
Настала юность. Снова я
Любилъ, вечернею порою,
Слѣдить, дыханье притая,
То за луной, то за звѣздою...
Мечты и чувства ужъ сильнѣй
Тогда мнѣ душу волновали:
Я звалъ любовь, я звалъ друзей,
Рвался къ какой-то чудной далѣ...
И мнѣ бывало такъ свѣтло
И вмѣстѣ грустно! Даже слёзы
Порой ронялъ я на окно...
Кипѣла кровь, родились грёзы...

Я забывался у окна,
И до утра не разъ бывало
Смотрѣлъ, какъ прячется луна,
Какъ гаснуть звѣзды...

Вотъ настало
Иное время. Много лѣтъ
Уже прошло! Всего, что было
Въ моей душѣ, глубокий слѣдъ
Воспоминанье сохранило:
Я зналъ друзей...
Зналъ жизнь, и посреди людей
Изъ устъ мнѣ трудно вырвать слово;
Когдажъ одинъ—еще сильнѣй
Тоска томить меня готова...
Слеза дрожить... и у окна
Я забываюсь, и снова
Смотрю, какъ прячется луна,
Какъ гаснуть звѣзды...

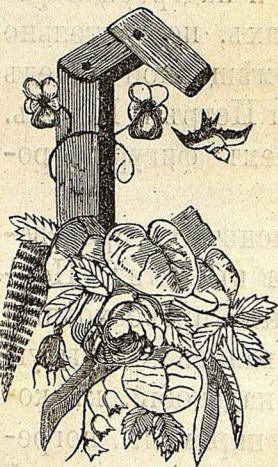
Н. Сатинъ.

Неаполь.

ВЪ МИРѢ ИСКУССТВЪ

(Скульптура, или ваяніе).

Ъ ИСХОДОМЪ XVIII столѣтія начинается новая эра искусства вообще. Также и скульптура, временно пришедшая было въ упадокъ и замѣчательная только неестественностью и манерностью, особенно замѣтною у итальянцевъ послѣ Бернини,—воскресла вмѣстѣ съ Кановой; онъ поднялъ ее опять на степень благородства и красоты.

Антоніо Канова, сынъ простаго крестьянина деревни Поссаніо, родился въ 1747 году, умеръ въ 1822 г. Сынъ пастуха, онъ поднялся до великаго художника и создалъ дивныя произведенія, полныя невыразимой граціи и чистой красоты! Не мудрено, что Италія гордилась имъ, какъ своею славой, и даже, послѣ смерти его, города ея оспаривали честь владѣть останками великаго артиста. Тѣло художника покойтся на его родинѣ, въ деревнѣ Поссаніо, а сердце изъ него было вынуто и хранится въ церкви Фрари, въ Венеціи, гдѣ онъ умеръ, гдѣ жилъ всего долѣе и гдѣ имѣлъ са-

мое сильное вліяніе на ея академію художествъ, которая и получила правую руку Кановы, заключенную въ драгоценный порфировой урнѣ; урна эта находится въ залѣ барельефовъ. Надъ ней повѣшенъ рѣзецъ и высѣчена слѣдующая надпись: „Пусть этотъ памятникъ, даръ общаго усердія, будетъ поощрять усердіе къ славл.“

Хотя Канова долго жилъ и даже умеръ въ Венеціи, но въ ней находится только одно изъ его замѣчательныхъ произведеній, именно группа Дедала и Икара, принадлежащая къ его юношескимъ работамъ. Чтобы хорошо познакомиться съ Кановой, надобно видѣть его работы, находящіяся въ Римѣ. Таковы: борцы Демоксенъ и Кревасъ и Персей, совершенно подходящіе къ антикамъ, а затѣмъ превосходные мавзолеи: Климента XIV въ церкви Апостоловъ, и въ соборѣ Петра: Пія VI, Стюартовъ и надгробная фигура Климента XIII, стоящаго на колѣнахъ, поразительно натурально, на его надгробной плитѣ, помѣщенной передъ спускомъ въ склепъ, гдѣ покоятся апостолы Петръ и Павелъ. Всѣ эти мавзолеи поразительны выраженіемъ фигуръ, трогательнымъ благородствомъ и чистотой.

Кромѣ этихъ, одними изъ самыхъ знаменитыхъ произведеній Кановы считаются два, находящіеся въ Вѣнѣ. Первое—мавзалеи герцогини Маріи Христины, превосходный и по сочиненію и по исполненію, представляетъ открытую пирамиду, въ родѣ большихъ античныхъ надгробій, къ которой подымается, спускаясь въ отверстіе пирамиды, погребальное шествіе. Крылатая добродѣтель несетъ въ урнѣ прахъ герцогини; передъ ней идутъ плачущія дѣвушки, олицетворяющія невинность, а вдали благодѣяніе поддерживаетъ старика. У порога двери геній плачетъ, опершись на льва,—эмблема мужа герцогини, оставшагося оплакивать ее на землѣ.

Другое замѣчательное произведеніе Кановы, въ Вѣнѣ—Тезей, убивающій Минотавра—полное силы и энергіи, напоминающихъ античныхъ мастеровъ.

Образцы чудной красоты и граціи, кающаяся Магда-

лина и Зефиръ, уносящій Психею, находящіеся въ Парижѣ; также Амуръ и Психея и Танцовщица, у насъ, въ Петербургѣ, въ эрмитажѣ.

Канова оставилъ цѣлую школу послѣдователей, но отъ тщательнаго подражанія ему и заимствованія его граціи и изящной красоты позднѣе они перешли уже къ мелочности, стараясь, главнымъ образомъ о безъукоризненной выдѣлкѣ тончайшихъ тканей и прозрачнѣйшихъ кружевъ, чѣмъ особенно отличаются современные итальянскіе скульпторы, со-свѣмъ отставшіе отъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ и неимѣющие ничего общаго съ строгой, величавой школой Микель-Анджело.

Но ни одинъ изъ скульпторовъ школы Кановы не проявилъ себя такъ блистательно, какъ датскій скульпторъ Торвальдсенъ *), большую часть своей жизни проведеній въ Италіи, гдѣ изучалъ ваяніе по древнимъ образцамъ; и ни одинъ, не исключая и самаго Кановы, не приблизился такъ своею манерой къ строгой манерѣ древнихъ греческихъ мастеровъ, какъ этотъ трудолюбивый, высоко-талантливый артистъ, произведшій множество превосходныхъ вещей и такъ прославившійся своими барельефами, что былъ прозванъ „Праотцемъ барельефа.“ Его произведенія такъ быстро раскупались и онъ работалъ такъ много, что нѣтъ, кажется, страны, гдѣ бы не было произведеній Торвальдсена. Но, еслибы кто пожелалъ вполне изучить этого величайшаго изъ скульпторовъ новаго времени, то тому слѣдуетъ отправиться въ его родной городъ Копенгагенъ, столицу Даніи, въ музей, исключительно посвященный его произведеніямъ; тамъ они собраны всѣ, повторенныя въ гипсовыхъ слѣпкахъ съ его моделей или высѣченныя изъ мрамора. Музей этотъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что служитъ громаднымъ мавзолеемъ надъ прахомъ великаго артиста, погребеннаго тутъ же.

*) Полная біографія Торвальдсена была помѣщена въ „Игрушечкѣ“, въ № 5 за прошлый, 1880 годъ.

Кромѣ этого музея, полнаго прелестныхъ статуй, группъ, бюстовъ и барельефовъ (изъ послѣднихъ особенно замѣчательны: четыре времени года и день и ночь), особенно знамениты барельефы и статуи Христа, Ангела и двѣнадцати апостоловъ, всѣ изъ бѣлаго мрамора, находящіяся въ церкви Божіей Матери (фру-Кирка), въ Копенгагенѣ же.

XI.

Испанская скульптура вообще никогда не достигала до совершенства. Перенявъ чудесный архитектурный стиль у арабовъ, во время ихъ владычества, испанцы не могли сдѣлать этого съ ваяніемъ, такъ какъ арабы совсѣмъ не вводили ея въ употребленіе, потому что коранъ наложилъ проклятіе на всѣ искусства, кромѣ архитектуры, даже и на музыку.

Хотя иногда въ отдѣлкѣ, какъ, напримѣръ, во дворцахъ Альгамбры, и встрѣчаются образы странныхъ звѣрей, но это были большею частію чудовищные звѣри или ядовитыя животныя, какъ то: змѣи, скорпіоны и пр., которые служили какъ бы талисманами, съ цѣлю удалить этихъ животныхъ отъ жилищъ, украшенныхъ ихъ изображеніями.

Уже въ болѣе позднія времена, итальянцы привезли въ Испанію свои произведенія, а затѣмъ испанцы стали посылать художниковъ учиться скульптурѣ въ Италію. Изъ нихъ болѣе замѣчательны были Алонзо Берегвето и Каспаръ Бецерра. Но всѣхъ талантивѣй былъ Алонзо Кано, сынъ простаго столяра, къ мастерской котораго онъ сталъ впервые заниматься, и затѣмъ изучилъ, почти съ одинаковымъ совершенствомъ, архитектуру, ваяніе и живопись. Его работы особенно обогатили его родной городъ Севилью, гдѣ лучшимъ изъ его произведеній считается алтарь въ церкви Лебрія. Послѣ него, ваяніе снова заглохло въ Испаніи, не имѣя хорошихъ мастеровъ, а въ нынѣшнее время выработался тамъ особый родъ скульптурнаго жанра. Онъ состоитъ въ производ-

ствѣ фигуръ, большею частью въ четвертую долю натуральной величины, изъ особенно-приготовленной, раскрашенной массы; фигуры эти, выдѣланныя тонко, тщательно, имѣютъ видъ восковыхъ, и приготовляются въ Мадридѣ, Валенсіи и Гренадѣ.

Но нигдѣ скульпура новаго времени не сдѣлала такихъ громаднхъ успѣховъ, какъ во Франціи и Германіи. Изъ французскихъ скульпторовъ, снова ставшихъ серьезно изучать классиковъ, послѣ Жанъ Кюзена и Жерменъ Пилона, знаменитъ Жакъ Гужонъ; онъ равно славенъ въ барельефѣ и въ статуяхъ. Его произведенія наполняютъ залы Лувра въ Парижѣ; изъ нихъ особенно замѣчательна: „Діана“ и еще болѣе барельефъ „Снятіе со креста“, про который Канова сказалъ, что „сами греки ничего не произвели болѣе совершеннаго“! и барельефъ на „фонтанѣ невинныхъ“, тоже въ Парижѣ. Работы Давида отличаются сильной энергіей, особенно въ монументальныхъ произведеніяхъ по фронтоу Пантеона, въ Парижѣ. Петръ Пюже, говорившій: „я вскормленъ на большихъ произведеніяхъ; я плаваю при работѣ, и мраморъ дрожитъ передо мной, какъ бы ни была велика его глыба“,—любилъ грандіозныя произведенія изъ огромныхъ глыбъ, гдѣ бы вполне могли разгуляться его широкая фантазія и смѣлый рѣзецъ. Нигдѣ это не выразилось такъ широко, какъ въ его группѣ „Персей, похищающій Андромеду“; замѣчательны также его покоющійся Геркулесъ и Милонъ Кротонскій, разрывающій льва.

Къ числу превосходныхъ скульпторовъ Франціи новой эпохи, принадлежатъ: Гудонъ (статуя Вольтера въ Парижѣ); Бари, превосходный ваятель животныхъ; Прадье и Бозио, съ ихъ изяществомъ и мягкостью; Дюре, Клезенже и множество другихъ.

Изъ германскихъ скульпторовъ новаго времени, проявившихъ въ своихъ произведеніяхъ классическое направле-

ніе, первый мастеръ новой берлинской школы Христіанъ Раухъ (1777—1857), произведшій идеальныя фигуры его „Побѣды“, „молящагося Моисея“ и статуи полководцевъ въ памятникѣ Фридриха Великаго. Къ нему примыкаетъ необыкновенно талантливый Эрнстъ Ритчель, который, въ своей статуѣ Лессинга—для Брауншвейга, въ памятникѣ Шиллера и Гёте—для Веймара, въ статуѣ Карла Маріи Вебера—для Дрездена и въ монументѣ Лютера—для Вормса, выразилъ неподражаемо благородные образцы, полные жизни и характера.

Въ ряду другихъ учениковъ и послѣдователей Рауха, первое мѣсто занимаетъ Драке; далѣе идутъ: Шифельбейнъ, Блетчеръ, Вольфъ, Фишеръ, Афингеръ и, какъ ваятель животныхъ, Киссъ, изъ работъ котораго замѣчательна группа амазонокъ предъ берлинскимъ музеемъ.

Кромѣ того, богатъ фантазіей Шванталеръ, выказавшій свою силу въ колоссальной мюнхенской Баваріи и въ другихъ работахъ.

ХП.

Обратившись теперь къ Россіи, увидимъ, что въ ней ваятельное искусство проявилось впервые въ рѣзныхъ украшеніяхъ домашней утвари и жилищъ. Наиболѣе стало оно входить со времени принятія христіанства, когда начали вызывать изъ Византіи мастеровъ, для сооруженія храмовъ. Но, такъ какъ наша восточная церковь не допускала каменныхъ изображеній, а только однѣ иконы, то ваяніе и тутъ не могло развиваться въ такой степени, какъ на Западѣ, гдѣ оно главнымъ образомъ въ началѣ и обязано исключительно церкви.

Надо замѣтить, что и то, что производило тогда у насъ ваяніе, было не самостоятельное, а вполне заимствованное у византійцевъ, характеръ чего можно видѣть въ сохранившихся каменныхъ украшеніяхъ гробницы Ярослава въ Кіевѣ,

въ Софійскомъ соборѣ. Колонны храмовъ украшались капителями іоническаго и тоже византійскаго стиля.

Болѣе самобытный стиль находимъ позднѣе на сѣверѣ Россіи, въ Новгородскихъ соборахъ, гдѣ сохранилось множество фигуръ святыхъ изъ камня и дерева, самой грубой, наивно-дѣтской работы, сильно раскрашенныхъ. Изъ русскихъ ваятелей древности сохранились имена только двухъ мастеровъ: Козьмы и Парамша. До Петра Великаго не было въ Россіи не только порядочныхъ статуй своихъ мастеровъ, но даже чужеземныхъ. Онъ первый началъ вывозить изъ Италіи образцы антиковъ, по которымъ могли бы учиться, и посылать за границу учениковъ. Любя искусства, Великій Преобразователь Россіи самъ занимался ими и, между прочимъ, и токарнымъ мастерствомъ, вытачивая артистическія вещи изъ дерева и кости.

Слѣдуя примѣру своего отца, императрица Елизавета выписываетъ изъ Италіи знаменитаго Растрелли, который дѣлаетъ ея статую, находящуюся въ Академіи художествъ. Сама она даетъ начало этой Академіи (1758), образовавшейся изъ общества, основаннаго Петромъ Великомъ при Академіи наукъ, а послѣдовательница Елизаветы, Екатерина Великая, даетъ Академіи художествъ еще большее развитіе, причемъ развивается и ваяніе, подѣ руководствомъ французскаго скульптора Фальконета, дѣлавшаго конную статую Петра Великаго, поставленную на могучей финской скалѣ, въ основанной имъ столицѣ Россіи. Въ это же время проявляетъ свою дѣятельность первый русскій скульпторъ Шубинъ, изъ произведеній котораго сохраняется въ Академіи художествъ бюстъ императрицы Екатерины II. За нимъ слѣдуетъ скульпторъ Крыловъ, работы котораго дышатъ чрезвычайной правдивостью. Онъ изучалъ анатомію на трупахъ и дошелъ до такого серьезнаго знанія, что Канова, видя его работы, сказалъ ему: „вы сами достигли вѣрной дороги къ совершенству“. Чтобы указать на его удивительную твердость въ работѣ и силу характера, довольно упомянуть о его пер-

вомъ произведеніи, огромной статуѣ Гектора, котораго онъ лѣпилъ съ большимъ трудомъ и тщаніемъ и, по окончаніи, нечаянно разбивъ, тотчасъ же принялся снова лѣпить и закончилъ съ такимъ же совершенствомъ.

Еще болѣе талантливый былъ Орловскій, родившійся въ 1793 г. отъ двороваго челоѣка однихъ помѣщиковъ Орловской губерніи. Настоящая его фамилія была Смирновъ. Продажа всей семьи (за 600 рублей ассигнаціями) бригадиру Шатилову послужила къ счастію будущаго ваятеля. Въ Москвѣ мальчика отдали въ мастерскую Кампіони, гдѣ онъ вскорѣ обнаружилъ большой талантъ и получилъ прозваніе Орловскаго, по имени своей родной губерніи. Переведенный въ Петербургъ, въ мастерскую Трискорни, онъ былъ замѣченъ извѣстнымъ въ то время скульпторомъ Мартосомъ, который и пригласилъ его участвовать въ работѣ бюста императора Александра I. При этомъ въ немъ принялъ большое участіе извѣстный покровитель искусствъ Оленинъ; онъ представилъ его государю, и Орловскій, въ 1824 г., на счетъ Академіи былъ отправленъ за-границу, въ мастерскую Торвальдсена. Первымъ его самостоятельнымъ произведеніемъ былъ Парисъ, за которымъ послѣдовалъ Сатиръ, но лучшимъ было Фавнъ и Вакханка (всѣ эти вещи находятся въ гипсовыхъ слѣпкахъ въ Академіи художествъ). Подъ руководствомъ Торвальдсена, онъ прилежно изучалъ древніе образцы, что придадо его рѣзцу силу и величавость. По возвращеніи въ Петербургъ, въ 1829 году, онъ получилъ заказъ, всѣ эти, названныя мною его статуи, высѣчь изъ мрамора, послѣ чего онъ сдѣлалъ фигуру ангела на Александровской колонѣ (что противъ Зимняго дворца), статуи, украшающія Триумфальныя ворота, и памятники Кутузова и Барклая де-Толли, находящіеся противъ Казанскаго собора.

Въ одно время съ Орловскимъ, въ Москвѣ отличался скульпторъ Витали (1794—1855), по происхожденію итальянецъ, родившійся въ Петербургѣ. Ребенкомъ, случайно по-

павъ въ мастерскую Трискорни, онъ пристрастился къ скульптурѣ и отдался ея изученію, особенно барельефа, лучшіе изъ которыхъ украшаютъ Исаакіевскій соборъ. Изъ статуй его прелестна находящаяся въ Петербургскомъ эрмитажѣ—мраморная Венера, завязывающая башмачекъ. Онъ тоже славился какъ отличный литейный мастеръ, какъ и баронъ Клодтъ, замѣчательный въ работахъ лошадей и прочихъ животныхъ, что не мѣшало ему производить и такія превосходныя человѣческія фигуры, какъ на памятникахъ императора Николая I, Крылова (Въ Лѣтнемъ саду) и въ группахъ, находящихся на Аничковомъ мосту.

Намъ остается еще упомянуть о молодомъ скульпторѣ Ставассерѣ, такъ рано похищенномъ смертію, оставившемъ нѣсколько граціозныхъ статуй, какъ Нимфа съ Фауномъ и Русалка (въ эрмитажѣ); о Пименовѣ, сильный рѣзецъ котораго можемъ видѣть въ двухъ мраморныхъ группахъ „Вознесеніе“ и „Преображеніе“, надъ иконостасами Исаакіевского собора, и въ колоссальныхъ статуяхъ снаружи Казанскаго собора, работанныхъ имъ вмѣстѣ съ Мартосомъ и Демуть-Малиновскимъ и отлитыми изъ бронзы Якимовымъ; и о Теребеневѣ, съ его колоссальными кариатидами у подъѣзда эрмитажа.

Изъ современныхъ намъ скульпторовъ, Каменскій, Антокольскій, Чижевъ, Поповъ, Бродскій и замѣчательно-искусный въ мелкихъ работахъ животныхъ—Либерихъ.

XIII.

Обзоръ скульптуры вообще заканчивается рѣзбой на камняхъ и медальернымъ искусствомъ.

Искусство рѣзныхъ камней зародилось еще въ древней Элладѣ, и Этруріи. Сначала оно производилось рѣзбою, для печатей, и эти вырѣзныя геммы *) носили часто слѣды самой

*) Собственно геммой въ древности называли всякій драгоценный камень.

тончайшей работы, при весьма обдуманномъ содержаніи рисунковъ, въ которыхъ ясно видѣлось вліяніе Праксителя. Знаменитому мастеру Пирготелю приписываютъ рѣзбу на геммахъ для побѣдныхъ перстней Александра Великаго. Роскошь на рѣзные камни нашла себѣ широкій просторъ при дворахъ преемниковъ Александра Великаго, особенно при дворѣ сирійскихъ государей, гдѣ восточное великолѣпіе было наиболѣе въ ходу. Геммы охотно употреблялись тутъ на украшеніе утварей, и именно, богатые сосуды роскошно убрались ими. Такъ какъ при этомъ исчезла первоначальная ихъ цѣль, служить печатами, то ихъ стали, вмѣсто углубленныхъ, рѣзать выпукло изъ камней разноцвѣтной наслойки, рядами (какъ, напримѣръ, ониксъ), такъ что свѣтлое избраніе еще выступало на темномъ фонѣ, и такимъ образомъ вырѣзанные камни стали называться камеями. Иногда они были очень значительной величины. Изъ уцѣлѣвшихъ, важнѣйшіе принадлежатъ египетскимъ государямъ. Изящнѣйшей и крупнѣйшей изъ всѣхъ считается, такъ называемая камея Гонзага, въ петербургскомъ Эрмитажѣ, съ головами какой то царственной четы, вѣроятно Птолемея I и Эвридики.

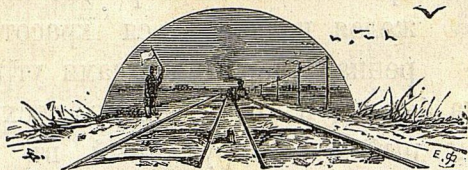
Въ Римѣ въ особенное употребленіе вошла рѣзба на камняхъ при Цезарѣ и Помпее. Въ этихъ работахъ, конечно, преобладало эллинское направленіе. При Августѣ наиболѣе замѣчательнымъ мастеромъ рѣзбы былъ Діоскоридъ; онъ, между прочимъ, вырѣзалъ голову императора, служившую ему печатью. Особенно интересны камеи времени Августа и ближайшихъ къ нему послѣдователей; большой размѣръ и превосходное исполненіе ставятъ ихъ на ряду съ крупными камеями Птолемеевъ и другихъ Александровыхъ преемниковъ, хотя изображенные на нихъ предметы и самая манера выполненіе и обличаютъ стиль римской эпохи. Нѣкоторыя изъ нихъ, съ многофигурными композиціями, относящимися къ императорскому дому, являются очень характеристическими памятниками того времени. Характеръ композиціи, большею частію, носитъ смѣсь историческаго замысла съ міѳологиче-

скимъ. Укажемъ на двѣ такія замѣчательныя камеи. Одна изъ нихъ, находящаяся въ вѣнскомъ кабинетѣ, имѣетъ 9 дюймовъ вышины и 8 ширины и представляетъ Августа земнымъ Юпитеромъ, сидящимъ на тронѣ, вмѣстѣ съ богиней Ромой. Другая, въ парижскомъ кабинетѣ,—имѣетъ 13 дюймовъ въ вышину и 11 въ ширину. Здѣсь на престолѣ сидитъ Тиберій, тоже земнымъ Юпитеромъ, а съ нимъ рядомъ—его мать Ливія, въ видѣ Цереры.

Рѣзка камей изъ камней разноцвѣтной наслойки повела къ тому, что подобныя вещи стали работать и изъ разноцвѣтнаго стекла. При выборѣ этого матерьяла не стѣснялись уже, какъ при выборѣ камней, донной мѣрою, оттого и употребляли его преимущественно тамъ, гдѣ надобились болѣе широкіе размѣры, напримѣръ, для сосудовъ. Одно изъ главныхъ такого рода произведеній — такъ называемая Портландская ваза, въ британскомъ музеѣ,—сосудъ изъ синяго стекла, на который наплавленъ тонкій слой непрозрачнаго бѣлаго. На послѣднемъ изображенія вырѣзаны такъ, что фигуры выходятъ бѣлыя, а фонъ — синій. Работа изящна въ высшей степени и принадлежитъ къ лучшимъ временамъ искусства.

С. Лаврентьева.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ.

Греческая легенда изъ древняго мифическаго міра.

ДРЕВНІЕ греки считали несомнѣннымъ, что богиня красоты, Венера, родилась изъ пѣны морской у береговъ Средиземнаго моря, вблизи Пелопоннеса, тамъ, гдѣ оканчиваются Іонійскіе острова.

Вотъ какъ они передаютъ эту легенду.

Однажды рыбаки, передъ разсвѣтомъ, убрали свои сѣти и отправились на отдыхъ въ свои хижины. Одинъ изъ рыбаковъ, прекрасный юноша, страстно любилъ природу; желая полюбоваться красотой моря, озареннаго первыми лучами утренняго солнца, онъ остался на берегу, въ ожиданіи его восхода. Долго сидѣлъ молодой рыбакъ, погруженный въ свои думы и въ созерцаніе всего, что наполняло душу его. Вдругъ онъ былъ какъ бы пробужденъ отъ сна послышавшимся шумомъ, точно отъ волнующейся воды. Взглянувши на море, онъ увидалъ, что бѣлыя морскія волны быстро катятся одна

за другою и бѣгутъ къ тому берегу, на которомъ онъ находился, и вотъ, близъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ рыбакъ, онъ видитъ, что, какъ бы изъ котловины, забилъ сильнымъ ключемъ фонтанъ, образуя вокругъ себя бѣлую пѣну. Пѣна эта росла, росла и поднялась въ ростъ человѣка. Рыбакъ испугался и спрятался въ находившійся по близости кустарникъ, чтобы подсмотрѣть, чѣмъ разрѣшится это чудное, необывальное явленіе. И видитъ онъ, какъ бы по мановенію невидимой руки, во всѣ стороны метнулась морская пѣна и изъ нея показалась богиня Венера, въ видѣ юной, стройной женщины волшебной красоты. Стоя на розовой раковинѣ, она тихо приближалась къ берегу. Ступивъ на землю, богиня подошла къ кустарнику, въ которомъ скрывался рыбакъ, и долго любовалась зеленью и формою листьевъ. Рыбакъ, затаивъ дыханіе, не смѣя подать признаковъ жизни, не могъ оторвать взора отъ божественной красоты. Отойдя отъ кустарника, она стала радостно играть и рѣзвиться по берегу, срывала цвѣты, убирала ими свою головку и становилась въ самыя живописныя пластическія позы. Рыбакъ позабылъ свой страхъ, покинулъ свою засаду и хотѣлъ броситься къ ногамъ божественнаго явленія, но видѣніе начало быстро удаляться и скрылось, оставивъ на песокъ слѣды своихъ маленькихъ ножекъ. Рыбакъ, боясь, чтобы морской вѣтеръ не сдулъ форму слѣдка, обвелъ его палочкой и начертилъ на память ея торсъ. Но вѣдь это было на песокъ; сегодня же, сейчасъ, сію минуту вѣтеръ можетъ занести пескомъ эти слабыя и вѣстѣ грубыя очертанія.

Какъ быть? что дѣлать? Въ душу рыбака такъ глубоко врѣзались дивныя черты появившейся красоты, что они вѣчно сохраняются въ его памяти; но этого ему не достаточно; онъ чувствуетъ, ему необходимо подѣлиться съ цѣлымъ міромъ своимъ восторгомъ, передать видѣнный имъ очаровательный образъ всему человѣчеству. И вотъ онъ беретъ обрубокъ дерева, неумѣлой рукой срѣзаетъ съ него грубую кожу и старается придать ему форму прелестной головки, и для начала

остаётся и этимъ доволенъ. Но какъ изобразить черты лица? Онъ прилагаетъ все свое стараніе, всѣ силы своего жаркаго желанія, и все напрасно,—работа неудается!

Рыбакъ покидаетъ прежнее ремесло свое, терпѣливо переноситъ все: невзгоды жизни, огорченія и упреки родителей, насмѣшки товарищей надъ его безуміемъ. Дни и ночи онъ трудится надъ деревомъ, но цѣли своей достигнуть не можетъ. Дерево остаётся деревомъ и приводитъ его въ отчаяніе. Рыбакъ собирается изрубить предметъ своего мученія и заноситъ оружіе, чтобы уничтожить его. Въ то же мгновеніе невидимая рука удерживаетъ его. Онъ обернулся и увидаль величественной наружности женщину, съ правильными, красивыми чертами лица. Нарядъ ея былъ воинственный, на головѣ шлемъ, въ одной рукѣ щитъ, въ другой копьё. Одежда, изъ тонкой, бѣлой, шерстяной матеріи, широкими складками граціозно ниспадала со стройнаго стана ея.

— Въ комъ есть сознаніе прекраснаго, сказала она твердымъ, но пріятнымъ голосомъ, тотъ не боится труда. Смѣло бери рѣзецъ свой и продолжай работать,—я помогу тебѣ; но знай, что только любовь къ дѣлу и терпѣніе увѣнчиваютъ трудъ. Молодой рыбакъ, внѣ себя отъ восторга, схватилъ рѣзецъ и началъ рѣзать дерево. Изъ подъ рѣзца, какъ бы волшебной силой, стали выясняться черты, глубоко запечатлѣнныя въ душѣ его. Восторгъ его былъ выше всякаго выраженія. Когда работа художника-рыбака была окончена и одержана полная побѣда надъ трудностію, величественная незнакомка сказала:

— Отнынѣ я беру тебя подъ свое покровительство и произведеніе твое назову изваяніемъ (скульптурой). Я подчиню тебѣ глину: она будетъ мягка и послушна въ рукахъ твоихъ. Мраморъ будетъ дышать подъ рѣзцемъ твоимъ. Иди и возвѣсти грядущему поколѣнію, что отнынѣ богиня мудрости—покровительница скульптуры. Имя богини Минерва или Афина-Паллада.

Гр—я. А. Толстая.

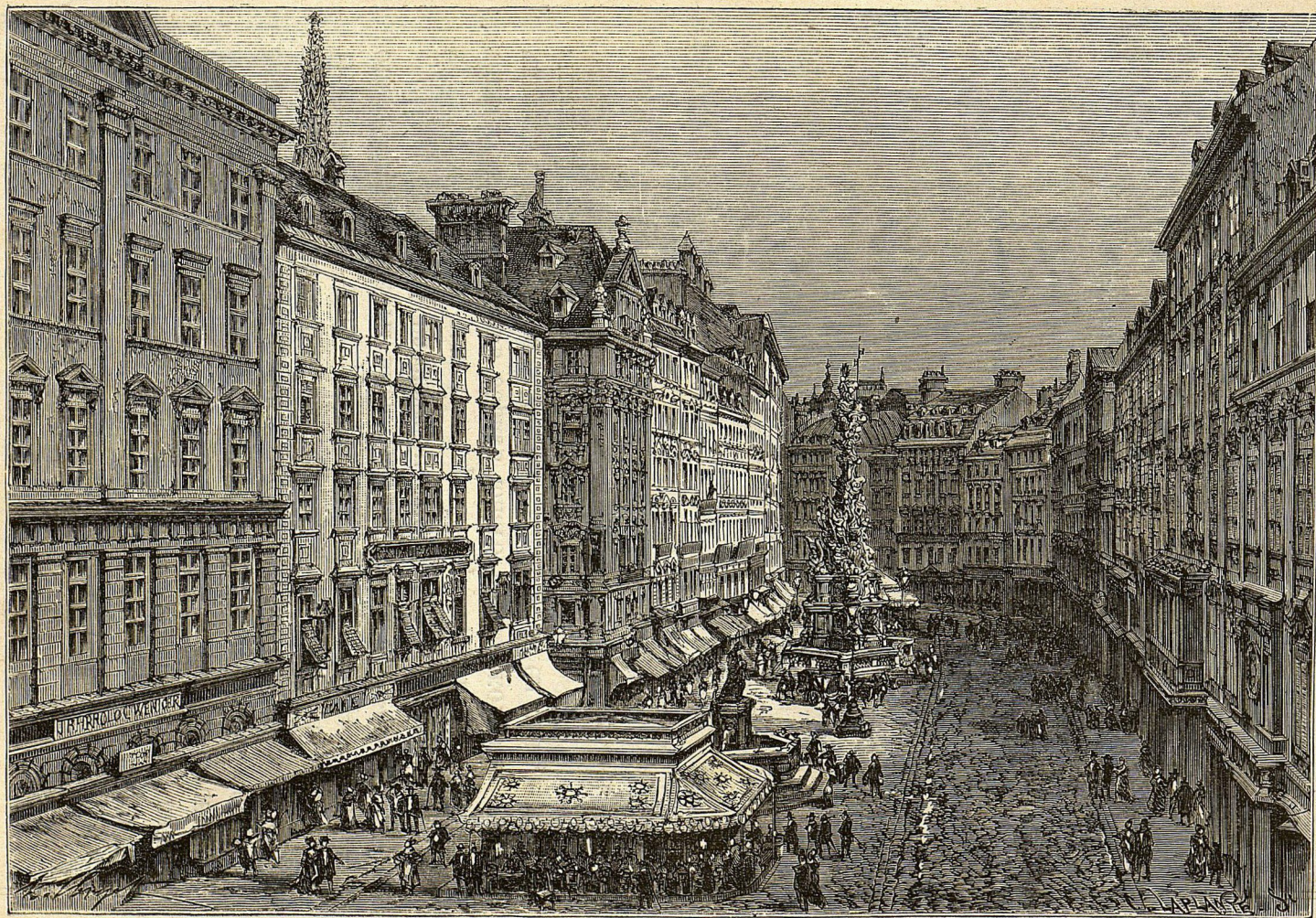
Когда гр. Федоръ Петровичъ Толстой, бывшій вице-президентъ академіи художествъ въ Россіи, находился въ Римѣ, то у него часто по вечерамъ собирались жившіе тамъ наши русскіе художники. На вечерахъ этихъ; кромѣ интересныхъ разговоровъ, происходили и чтенія. На одномъ изъ такихъ вечеровъ, нашъ извѣстный русскій скульпторъ Рамазановъ прочиталъ написанную имъ сказку „Красота и Искусство“. Въ сказкѣ этой онъ развилъ довольно вѣрно идею, какъ отъ дѣйствія красоты вызвалось къ жизни искусство.

Графъ хвалилъ рассказъ и замѣтилъ, что мысль эта не новая, что ее проводили еще древніе греки, какъ живописцы, такъ и скульпторы, въ образѣ юнаго грека, который очерчиваетъ профиль лица любимой женщины по ея тѣни, отбрасываемой луной на стволъ дерева.

Т. Лассекъ.

„Изъ дальнихъ лѣтъ“.

ВЪН А.

Доволнено цензурою. С.-Петербургъ, 11 июля 1881 г.
Типографія А. С. Суворина. Зрицельск пер., д. № 11—2.